

Сказка Туве Янссон " Опасное лето " Глава десятая

О генеральной репетиции

Шла генеральная репетиция пьесы Муми-папы, и горели все лампы, хотя до вечера было еще далеко. Бобрам пообещали контрамарки на премьеру, назначенную на следующий день. За это они сняли театр с мели и вывели его на глубину. Сцена, правда, все же была слегка перекошена, что было довольно неудобно. Ее закрыли занавесом, красным и таинственным, а перед сценой покачивалась целая флотилия лодок. Любопытные зрители ждали с самого восхода солнца. Они запаслись обедом, так как генеральные репетиции всегда продолжаются долго.

- Мама, что такое генеральная репетиция? – спросил маленький ежик в одной из лодок.
- Это когда они примериваются в самый последний раз, чтобы быть совершенно уверенными в том, что все идет как надо, – ответила мама-ежиха. – Завтра они будут играть по-настоящему, и тогда за спектакль нужно будет платить. А сегодня спектакль для таких бедных ежей, как мы, бесплатный.

Но за занавесом артисты совсем не были уверены, что все идет как надо. Муми-папа наспех переписывал пьесу. Миса плакала.

- Мы же сказали, что обе хотим умереть в конце! – разорялась Мюмла. – Почему только ее должен съест лев? Ведь мы обе невесты льва. Разве ты не помнишь?
- Хорошо, хорошо, – нервно бормотал папа. – Сначала лев съест тебя, а потом Мису. Но не мешай мне, я пытаюсь думать гекзаметром!
- Кто же тогда состоит с ним в родстве? – озабоченно спросила мама. – Вчера Мюмла была замужем за твоим уехавшим сыном. А теперь, выходит, замужем за ним Миса, а я что же, ее мама? И Мюмла не замужем?
- Не хочу быть не замужем, – тотчас ответила Мюмла.
- Будьте сестрами! – в отчаянии воскликнул папа. – И тогда Мюмла будет твоей невесткой. Я хочу сказать – моей. Вернее, твоей теткой, сестрой твоего отца.
- Но это никуда не годится, – вмешался Хомса. – Если Муми-мама твоя жена, то невестка не может быть твоей теткой.
- Все это не имеет никакого значения, – сказал Муми-папа. – И вообще не будет вам никакой пьесы!
- Успокойтесь и возьмите себя в руки, – с неожиданным пониманием сказала Эмма. – Все обойдется. Публика ведь не за тем идет в театр, чтобы понимать.
- Душечка Эмма, – умоляла Муми-мама. – Платье мне слишком узко... оно все время расходится на спине.
- И запомни! – прошипела Эмма, держа во рту булавки. – Нельзя казаться веселой, когда она придет и станет говорить, что сын ее отравил свою душу ложью!
- Ну, конечно, не буду! – заверила Эмму Муми-мама. – Я обещаю казаться печальной.

Миса зубрила свою роль. Вдруг она отбросила листок и закричала:

- Роль слишком веселая, она мне не подходит!
- Замолчи, Миса! – строго сказала Эмма. – Мы начинаем. Освещение готово?

Хомса включил желтый прожектор.

- Красный! Красный! – закричала Мюмла. – Мой выход красный! Почему он всегда путает свет?
- Так всегда бывает, – успокоила ее Эмма. – Вы готовы?
- Я не знаю своей роли, – в панике пробормотал Муми-папа. – Я не помню ни единого слова.

Эмма похлопала его по плечу.

- Понятно, – сказала она. – Все как и положено на генеральной репетиции.

Она ударила три раза палкой об пол, и в лодках воцарилась тишина. Счастье теплой волной согрело ей душу, когда она принялась крутить ручку, поднимая занавес. Возгласы восхищения раздалась среди немногочисленных зрителей, присутствовавших на генеральной репетиции. Большинство из них никогда не бывали раньше в театре.

Они увидели мрачные скалы в багряном освещении! Несколько правее платяного шкафа с зеркалом (задрапированного черным покрывалом) сидела Мюмла в тюлевой юбке с венчиком бумажных цветов на макушке. Мгновение она с интересом смотрела на зрителей, расположившихся за рампой, а потом принялась быстро, без тени смущения, декламировать:

Я умру нынче ночью, хотя невиновность моя к небесам
вопиет,
обернись море кровью, а весенняя земля грозой,
прекрасная, как распускающаяся роза,
с росой юности на лбу,
я грубо и жестоко попрана горьким роком.

Внезапно за кулисами раздалось пронзительное завывание Эммы:

О, роковая ночь!
О, роковая ночь!
О, роковая ночь!

Муми-папа вышел из левой кулисы с плащом, небрежно переброшенным через плечо. Он повернулся к публике и стал читать дрожащим голосом:

Узы родства и дружбы должны быть разорваны,
когда меня призывает мой долг,
ах, неужто корону мою узурпирует сестра
моего внука, сына дочери?

Заметив, что ошибся, папа снова прочитал:

...ах, неужто корону мою узурпирует тетка
моего внука, сына дочери?

Муми-мама, высунув мордочку, прошептала:

...неужто корону мою узурпирует
сестра моей невестки, жены сына!

- Да, да, да, – подтвердил Муми-папа. – Я пропущу эти слова. – Шагнув к Мюмле, спрятавшейся за зеркальным шкафом, он произнес:

О ты, неверная Мюмла, дрожи и слушай,
как страшный лев в ярости сотрясает
свою клетку и рычит от голода на луну!

Наступило долгое молчание.

... от голода на луну! –

чуть громче повторил папа.

Но ничего не произошло. Обернувшись налево, Муми-папа спросил:

- Почему не рычит лев?
- Не стану рычать, пока Хомса не подвесит луну, – заявила Эмма.

Хомса высунулся из-за кулис.

- Миса обещала сделать луну и не сделала, – оправдывался он.
- Ладно, ладно, – поспешно сказал Муми-папа. – Пусть Миса лучше явится на сцену, я все равно вышел из образа.

Миса важно выплыла на сцену в красном бархатном платье. Она стояла несколько мгновений безмолвно, закрыв лапой глаза и упиваясь тем, что она примадонна. Это было бесподобно!

- "О, какая радость!" – подсказала Муми-мама, подумав, что Миса забыла свою роль.
- Я держу паузу! – тихонько огрызнулась Миса. Она приблизилась к рампе и простерла лапы к публике.

Что-то щелкнуло. Это Хомса запустил вентилятор в осветительской.

- Что это, пылесос? – спросил ежик.
- Помолчи! – заворчала ежиха.

Миса начала декламировать трагическим голосом:

О, радость созерцать,
как голова твоя
раскалывается на куски!..

Она оступилась, запуталась в бархатном платье и прямо со сцены упала в лодку, где сидели ежи.

Зрители закричали "ура!" и снова водрузили Мису на сцену.

- Только не волнуйся, фрекен, – напугствовал ее пожилой бобер. – Давай сразу откусывай ей голову!
- Кому? – в недоумении спросила Миса.
- Тетке вашей внучки, разумеется, – пояснил бобер.

- Они ничего не поняли, – зашептал Муми-папа жене. – Скорее выходи на сцену, будь добра!

Мама быстренько подобрала юбки и, вынырнув на сцену с доброй и смущенной улыбкой, весело сказала:

О судьба, укрой свое чело черным, как ночь,
посланием, которое я несу!
Твой сын обманом проложил себе путь
и отравил свою душу ложью!

О, роковая ночь!
О, роковая ночь!
О, роковая ночь! –

бубнила, словно молитву, Эмма.

Муми-папа тревожно смотрел на маму.

- "Введите льва", – прошептала она, желая ему помочь.

- Введите льва, – повторил папа. – Введите льва, – неуверенно повторил он еще раз. А под конец закричал: – Давайте сюда льва!

За сценой послышался громкий топот. Затем выскочил лев, сделанный из старого покрывала. Передние лапы льва изображал один бобер, а задние – другой. Публика визжала от восторга.

Лев заколебался, потом подошел к рампе и поклонился и при этом разошелся на две части.

Публика похлопала в ладоши и стала разъезжаться по домам.

- Еще не конец! – кричал Муми-папа.

- Дорогой, они снова придут завтра утром, – сказала мама. – Эмма считает, что премьеры не будет иметь успеха, если генеральная репетиция не кончится маленьким провалом.

- Ах, вот оно что! – сказал, успокоившись, папа. – Во всяком случае они часто смеялись, – радостно добавил он.

Миса отошла немного в сторону, чтобы успокоиться. Ее сердце страшно колотилось.

- Они аплодировали мне, – прошептала она про себя. – О, как я счастлива! Я буду всегда, всегда вот так счастлива!